

ЛЕСНОЙ КОДЕКС ПРИНИМАЕМ максимум на 10 лет

© World Bank

На острые вопросы, связанные с проектом Лесного кодекса Российской Федерации, отвечает директор по развитию лесозаготовительных и деревообрабатывающих комплексов корпорации «Илим Палп Энтерпрайз»

Дмитрий Чуйко

© WWF России / Виктор ЖИВОТЧЕНКО

Корреспондент: Дмитрий Дмитриевич, неужели за 7 лет действующий Лесной кодекс так безнадежно устарел, что необходим новый?

Д. Чуйко: На мой взгляд, да. Во-первых, семь лет семи годам рознь. К настоящему времени сильно изменились как экономические отношения и приоритеты, так и степень внимания к природоохранным вопросам. Резко возрос интерес общественности к использованию природных ресурсов, в частности лесного фонда.

Есть две полярные точки зрения на судьбу Лесного кодекса (ЛК). Первая — ничего менять не надо, следует подкорректировать старый Кодекс, и он будет работать. Вторая — нужно разработать такой Кодекс, который станет основой для будущих изменений, поскольку очевидно, что в ближайшие 5–6 лет произойдут серьезные перемены. Так как мы живем в очень динамичную пору, я сторонник второй точки зрения: Лесной кодекс нужно сформировать заново, сделать его современным и при этом помнить, что в перспективе придется вносить в него изменения, отражающие динамику жизни. Уверен, что принимаем мы его не на 50 или 100 лет, а (как и предыдущий) лет на 7–8, максимум 10.

Кор.: Но Вы уверены, что нынешний проект — благо? Там столько несуразностей, чтобы не сказать хуже.

Д. Ч.: Здесь необходимо внести ясность. Говорят о существовании 23 вариантов проекта ЛК, люди запутались, что же обсуждать и во что вносить поправки. Важно понять: сегодня есть только три документа, которые следует принимать во внимание. Первый — это официальный документ, т. е. проект ЛК, принятый Госдумой в первом чтении. Я не говорю, плох он или хорош, но он прошел первое чтение и тем самым получил статус официального базового проекта. За месяцы, прошедшие с момента его принятия в первом чтении (апрель 2005 г.), он в ходе всестороннего и активного обсуждения претерпел существенные изменения. Работа велась по двум концептуальным направлениям: одно возглавило Минэкономразвития, и ключевые роли в нем играли экономисты; второе — подкомитет Комитета Госдумы по природным ресурсам и природопользованию (он объединил экспертов, среди которых известные ученые, академики, специалисты лесного хозяйства и лесопромышленного комплекса (ЛПК), в том числе нашей корпорации). По обоим направлениям рабочие группы подготовили проекты поправок. Вариант, подготовленный подкомитетом, представлен Комитету Госдумы и опубликован в «Лесной газете» для всеобщего обсуждения.

Итак, рассматриваются три документа: проект ЛК, принятый Госдумой в первом чтении; поправки, изменения и

© WWF России / Сергей КИЩЕНКО

дополнения, предложенные Минэкономразвития; поправки, изменения и дополнения, трансформировавшие проект в документ, опубликованный в «Лесной газете». Все остальные варианты надо забыть и больше на них не ссылаться.

Кор.: Сохранится ли государственная монополия на лес в России, и скоро ли появятся частные леса?

Д. Ч.: Уверен, что в ближайшие годы сохранится. Конечно, и у сторонников, и у противников государственной монополии есть свои аргументы. Я хотел бы только, чтобы помимо аргументов учитывалась реальная ситуация с менталитетом граждан, со степенью законопослушания, с законотворчеством и т. д. Так вот, на мой взгляд, если принять во внимание все эти обстоятельства, всю их совокупность, то надо констатировать, что в ближайшие годы монополия государства на лесной фонд сохранится. И это, наверное, для наших российских условий оправдано.

Должен заметить, что само по себе отсутствие или наличие частной собственности на лесной фонд не является решающим обстоятельством. Как показывает мировая практика, эффективность ведения лесного хозяйства и работы ЛПК этим не определяется. Вот две страны с противоположными моделями — Канада и Финляндия, в которых эффективность лесопользования на порядок выше, чем в России.

Кор.: Изменится ли система органов государственного управления лесами и что станет с лесхозами?

Д. Ч.: Я как лесопромышленник (а не лесохозяйственник) не компетентен для ответа на этот вопрос. Но могу сказать, что разделение полномочий, связанных с контролем за лесом и производственной деятельностью в лесу (чем занимались лесхозы от бедности), оправдано и правомерно. Более того, необходимо. Другой вопрос, что в настоящее время утерян контроль за ситуацией в лесах. При этом, контроль не на федеральном уровне, а непосредственно на лесных участках. На мой взгляд, нужно форсированно наращивать мощности государственного контроля. Ведь если на всю область всего шесть или семь человек пытаются осуществить надзор за лесопользованием, то это профанация в чистом виде.

Кор.: Как изменится распределение полномочий по управлению лесами между центром и регионами?

Д. Ч.: Мы стали свидетелями того, как за недолгое время ситуация изменилась на диаметрально противоположную. Полтора года назад преобладающей точкой зрения являлась концентрация полномочий в федеральном центре и делегирование их субъектам федерации по мере проявляемой ими способности управлять и исполнять эти полномочия. Но с тех пор, как известно, изменился порядок формирования органов власти в субъектах федерации. Центр стал гораздо сильнее влиять на подбор региональных руководителей, а стало быть, повысился и уровень доверия к ним и их аппарату при выполнении тех или иных управленческих функций. Это коснулось и леса. Поэтому в последние недели активно

идет подготовка к передаче максимального количества полномочий в управлении лесом субъектам федерации, принят в третьем чтении соответствующий федеральный закон. Это положительно воспринято местными властями и имеет свои преимущества, поскольку они гораздо лучше знают положение дел в регионах и непосредственно заинтересованы в быстром принятии решений.

По замыслу, федеральные полномочия — препятствие на пути местной коррупции. Это механизм, который должен нейтрализовать использование власти в интересах конкретных групп людей, а не государства или региона. Но то обстоятельство, что теперь по-другому формируется вертикаль власти, с большим влиянием федерального центра, остроту проблемы снимает. По крайней мере, должно сниматься. Думаю, не все полномочия следует передавать субъектам — определенной их частью все же должны обладать и региональные представители Федерального агентства лесного хозяйства. Еще раз хочу сказать, что оперативность в решении вопросов выше, если полномочия — у субъектов, а степень защиты, прежде всего, от коррупции выше при концентрации полномочий в федеральном центре. Видимо, между этими двумя скалами и надо провести корабль.

© WWF России / Иван ЕГОРЧЕВ

Лесной аукцион, в отличие от конкурса, позволяет, во-первых, получить максимальную плату за лесной участок, а во-вторых, практически исключает влияние чиновника на ход дел

Кор.: Как между Сциллой и Харибдой? Реально ли?

Д. Ч.: Но ведь удалось же древним! Будем надеяться, что и у нас получится. А дальше видно будет. Не думаю, что в наше динамичное время должны быть очень жесткие схемы. Ситуация, несомненно, изменится, причем в любую сторону. Я вообще считаю, что не реагировать на меняющиеся обстоятельства только потому, что существует норматив, — серьезная ошибка. Его следует в определенные моменты модернизировать, приспособлять к обстоятельствам, идти от требований жизни.

Кор.: Как в проекте Кодекса выстроены отношения государства и лесопользователей?

Д. Ч.: Проектом принципиально определяются три момента. Первый — порядок предоставления лесного фонда лесопользователям, т. е. выбор между конкурсом или аукционом. Второй — цена, плата за лесной ресурс. Третий — кто ведет лесное хозяйство на закрепленном участке. Эти основные вопросы обуславливают отношения владельца, собственника лесного фонда и арендатора, лесопользователя. По поводу конкурса или аукциона сказано много. Могу добавить, что нет системы без недостатков, но у аукциона, на мой взгляд, меньше изъянов. В чем главный плюс аукциона? В том, что он позволяет государству получить максимальную плату за предлагаемый лесной ресурс. Каждый раз предоставление участка будет идти по принципу — кто заплатит больше. Это очень важно, потому что ведение лесного хозяйства на незакрепленных площадях недофинансируется на 2/3, денег на него катастрофически не

хватает. Второй плюс — чиновник практически не влияет на ход дел. Его задача организовать аукцион, обеспечить его проведение, объявить итоги и подписать необходимые документы.

У аукциона есть еще одно важное преимущество. Сейчас, при конкурсной системе, на потенциального лесопользователя ложатся обязанности, никак не связанные с лесной или лесопромышленной деятельностью. Почему они появляются, понятно: масса бюджетдефицитных регионов, которые, чтобы свести концы с концами, вынуждены «вешать» дополнительные задания на бизнес. Арендный договор отягощают целым рядом обязательств по социальному развитию региона, вплоть до содержания детской спортивной школы, ремонта крыши в медпункте лесного поселка, приобретения автобуса для нужд населения или районной администрации и т. п. Это, конечно, не себе в карман — на пользу территории, но никакого отношения к развитию лесного хозяйства и ЛПК не имеет. При аукционе ничего похожего нет.

Недостатком же является то, что кто больше заплатил, тот и взял лес в аренду.

Кор.: Но только что Вы отметили это как плюс. А больше может дать и непрофильный бизнес.

Д. Ч.: Вот именно. Заплатить может и тот, кто имеет планы, вовсе не связанные с интересами отрасли и государства в этой сфере. Это главный минус. Можно ли его нейтрализовать? Да, путем предварительного отбора участников аукциона. По каким критериям? А вот их-то и должен определить федеральный центр, исключив возможность влияния конъюнктуры, коррупции на формирование этих условий. Центр исходя исключительно из государственных интересов и интересов развития лесного хозяйства и ЛПК обязан установить критерии, по которым претенденты будут допускаться

к аукционам. Например, это должно быть профильное, отраслевое предприятие, обязательно представившее доказательства своей финансовой способности к полноценному и качественному освоению лесного фонда. Оно должно доказать, что у продукции, полученной в результате разработки этого лесного фонда, имеется конкретный адресат, и что это соответствует программе развития отрасли в регионе и в стране. Соответствие же интересам бизнеса следует из факта участия в аукционе.

Кор.: Но ведь если лесной фонд разделят между собой крупные вертикально интегрированные структуры, не станет ли это концом для малого и среднего бизнеса, которому нечего будет делать?

Д. Ч.: В качестве примера рассмотрим, как эта проблема решена в нашей корпорации, являющейся крупнейшей в России вертикально интегрированной структурой. В год мы заготавливаем 8 и перерабатываем 13 млн м³ древесины, на условиях подряда ведем 11 % лесозаготовок с привлечением сторонних малых и средних лесозаготовительных предприя-

тий. Эта практика сейчас расширяется. Таким подрядным организациям корпорация начала предоставлять в лизинг, аренду или на выкуп лесозаготовительную технику. Говорим так: приходите на арендованные нами участки лесного фонда; если вы не располагаете своей техникой и докажете, что умеете с ней полноценно обращаться, обеспечим техникой. Новой — в лизинг, имеющейся — в аренду или на выкуп. Вы наверняка очень аккуратно и бережно будете ее эксплуатировать. Возможно, в ваших руках она покажет более высокий результат, чем у нас, и мы с вами договоримся, по какой цене вы нам оказываете услугу по лесозаготовке. Мы не видим в этом особых проблем. Мировая практика показывает, что такая схема жизнеспособна. Так, в Финляндии лесовладельцы и лесопользователи активнейшим образом привлекают к работе в своем лесном фонде подрядчиков. Считаю, что именно таким образом должны взаимодействовать вертикально интегрированные структуры, способные выиграть аукцион, малый и средний бизнес.

Кор.: Что Вы думаете о новом порядке перевода лесов из одной группы в другую?

Д. Ч.: Острый и важный вопрос, требующий тщательного анализа со стороны прежде всего специалистов лесного хозяйства и экологов.

Ведь должна быть решена очень сложная задача — сбалансировать противоречивые интересы. С одной стороны, надо обеспечить максимальное развитие и эффективность ЛПК: увеличить объемы заготовки, расширить выход продукции с единицы площади, полностью загрузить мощности по переработке древесины, насытить рынок и т. д.; с другой — необходимо соблюдать природоохранные требования и запросы общества, которое заинтересовано как в получении лесопромышленной продукции, так и в сохранении и восстановлении лесов. Думаю,

что мы обязаны усилить экологический контроль за лесопользованием, который должен сводиться в первую очередь к выделению массивов и участков лесов, представляющих особую природную ценность. Я имею в виду леса не только заповедников, заказников, водоохраных зон, но и имеющих более локальную природную ценность. По этому пути активно идет наша корпорация. Мы участвуем в добровольной лесной сертификации и уже довели до 10,5 % площадь лесов в арендованном нами фонде, где сознательно ограничили лесопользование. Подчеркиваю — в уже арендованном фонде. Полагаю, что это единственно правильный путь.

Еще раз повторю. Я не считаю, что сложившаяся система лесопользования и отнесения лесов к различным защитным категориям абсолютно объективна и не может быть изменена, но все же в этом вопросе главным критерием должны быть природоохранные соображения.

Кор.: Как приятно это слышать от лесопромышленника!

Д. Ч.: Вы вправе сказать: вам, мощнейшей организации с большими финансовыми возможностями, это проще. Со-

www.minitexles.ru

Мировая практика доказала жизнеспособность схемы, согласно которой лесовладельцы и лесопользователи активнейшим образом привлекают к работе в своем лесном фонде подрядчиков, предоставляя в лизинг, аренду или на выкуп лесозаготовительную технику

глашусь. Но вдумайтесь: 10 % от 5 млн га аренды составляет 0,5 млн га. Международные эксперты, проводящие у нас аудит, убедились в том, что это не декларация и не бумажный отчет, а реальные действия. Мы получили в августе 2005 г. сертификат лесопользования по системе FSC на 1,5 млн га, свидетельствующий о том, что мы на правильном пути. Понимаю, что малому предприятию на делянке, взятой в аренду, невозможно выделить 10 %. Вот почему лесопользователями и должны быть, как правило, крупные вертикально интегрированные структуры, которые возьмут на подряд малые предприятия. Это еще один аргумент в пользу такой схемы взаимодействия.

Кор.: *То есть Вы считаете, что это максимально экологичный подход?*

Д. Ч.: При ответственности, объективной и прозрачной системе контроля и спроса, при международно признанной сертификации — да. Потому что когда в аренду берется 1 га или 0,5 млн га существуют разные возможности, не только финансовые, но и реальные производственные — выделить, к примеру, место глухариного тока, берлогу или сочетание биотопов, характерных только для этой местности.

Кор.: *Правда ли, что новый Лесной кодекс откроет путь неограниченному строительству объектов недвижимости в лесах вокруг мегаполисов и в водоохранных зонах?*

Д. Ч.: Не согласен с таким выводом, если мы имеем в виду доработанный проект, а не принятый в первом чтении. Прежде всего, давайте говорить откровенно — при желании и отсутствии жесткой системы контроля любое нормативное требование можно обойти. Но если исходить из разумного разделения лесов по категориям, если не дать коррупционерам нагреть руки на игре в полномочия, восстановить и усилить систему контроля в лесном фонде, то думаю, экспансия не расширится. Соблазн будет всегда, но важно вовремя поставить заслон: разработать ясный норматив, обеспечить контроль и закрепить ответственность. Любой чиновник должен понимать, что отвечать за «гибкое» решение придется. Считаю, многие проблемы, связанные со строительством в водоохранных зонах, возникли из-за отсутствия неизбежной ответственности. Естественному желанию приблизить, несмотря ни на что, коттедж к водоему можно противопоставить только правильную систему нормативных актов, законов и систему контроля, а также неизбежную и не отложенную по времени ответственность за такие нарушения. Причем ответственность возложить прежде всего на того, кто выдал разрешение. А сегодня, судя по телевизионным сюжетам, судебные приставы атакуют в основ-

ном тех, кто построил. Это неверно. Ущерб от незаконно принятого решения должен быть взыскан с того, кто разрешение выдал. И, кстати, не только в лесопользовании.

Кор.: *Будут ли ограничены права граждан на пребывание в лесу?*

Д. Ч.: Ситуация трактуется однозначно. Мы не говорим о том, как эта проблема отражена в проекте, принятом Госдумой в первом чтении. Надо обратиться к опубликованному в «Лесной газете» документу, который готовится сейчас ко второму чтению. Там сказано: не может быть ограничений в свободном посещении гражданами лесов, переданных в лесопользование, но ограни-

ченный необоснованных. А дальше определено, какой орган власти может вводить такие ограничения, и в каких случаях (угроза пожара, стихийных бедствий). Никаких иных ограничений не предусмотрено.

Кор.: *То есть при отсутствии пожара или потопов гражданам бояться нечего? Как ходили за грибами, так и будем ходить?*

Д. Ч.: Уверен, что да. Более того, думаю, что ходить будет легче в том смысле, что проект ЛК обязывает после заготовки приводить лесной участок (и в том числе лесные технологические дороги) в порядок и сдавать в приемлемом состоянии. Сейчас нередки случаи, когда после ухода лесозаготовителя не только проехать, но и пройти невозможно. Новым Кодексом проблема решается, во всяком случае, в нормативном плане. А практика зависит от нас с вами.

Кор.: *Не приведет ли принятие проекта Кодекса к неограниченному властвованию собственника на всей территории?*

Д. Ч.: Сегодня собственником является государство.

Оно остается и властвует. Вот и все. А что касается неограниченного пользования, то в проекте четко регламентировано, что можно, чего нельзя. Но надо понимать, что если собственник — государство, то распоряжаться будет оно. И требовать от собственника не распоряжаться или распоряжаться частично нелогично.

Кор.: *Как граждане и общественные организации смогут влиять на осуществление различных проектов в области лесопользования? Например, защитить старовозрастные леса?*

Д. Ч.: Важный вопрос. В проекте, принятом в первом чтении, существенно опущена планка, определяющая участие общественности, граждан в реализации тех или иных проектов. А вот в редакции, опубликованной в «Лесной газете», этому уделено большое внимание. Отмечено, что экологическая экспертиза всех значимых лесных проектов обяза-

© WWF России / Николай ДЕЛЬВИН

Соблазн вести строительство в водоохранных зонах будет всегда, но важно вовремя поставить заслон: разработать ясный норматив, обеспечить контроль и закрепить ответственность

тельна, как обязательно информирование общественности о лесопользовании, если задеты интересы граждан. В опубликованном варианте существенно повышен уровень общественного контроля. Уверен в том, что это тенденция в природопользовании, так как общество сегодня гораздо более заинтересованно и болезненно реагирует на проблему.

Кор.: *Каковы будут последствия, если на лесопользователя переложат все функции по ведению лесного хозяйства?*

Д. Ч.: Почему этот вопрос вообще встал на повестке дня? В настоящее время за лесопользователями закреплена только четверть лесного фонда страны. Три четверти принадлежит собственнику, он их частично эксплуатирует или не эксплуатирует вообще. Но раз не эксплуатирует, а затраты на ведение лесного хозяйства есть, значит надо как-то выходить из положения: вот и возлагаются на лесопользователя затраты хотя бы по закрепленной части лесов.

Здесь требуется учесть несколько обстоятельств. Во-первых, и сегодня лесопользователь в значительной степени несет затраты на ведение лесного хозяйства. В разных регионах от пяти до десяти принципиальных функций по ведению лесного хозяйства уже закреплено существующими договорами за арендаторами. Во-вторых, в проекте перечислены те обязанности по ведению лесного хозяйства, которые возлагаются на лесопользователя, и те функции, которые собственник не может передать лесопользователю по разным причинам. Например, потому что эти обязательства выходят за пределы возможностей одного лесопользователя: меры по борьбе с распространением болезней леса. И, наконец, есть некоторые финансовые моменты. Так, попробуйте организовать авиационную охрану лесов силами одного лесопользователя или переложить на него космический мониторинг. Поэтому в проекте ЛК, который готовится ко второму чтению, отмечено, какие обязательства по ведению лесного хозяйства возлагаются на лесопользователя, а какие остаются за собственником.

В проекте оговаривается и порядок финансирования этих работ. По ряду работ, возложенных на лесопользователя, финансирование будет возвратным, т. е. собственник вернет деньги лесопользователю в соответствии с реальными затратами. Это частично и сейчас работает, но только по нормативным, а не по фактическим затратам, и расхождения бывают весьма ощутимы.

И, наконец, пересмотрена возможность учета будущих затрат на ведение лесного хозяйства при определении цены древесины на корню при формировании условий аукциона. Однако здесь есть одно чрезвычайно важное требование — обеспечение квалифицированного контроля за выполнением обязательств по ведению лесного хозяйства. Данная мера необходима для проведения качественного лесовосстановления.

Кор.: *Кто из лесопользователей способен играть по новым правилам получения лесных участков в аренду?*

Д. Ч.: Я сравниваю показатели деятельности предприятий, осуществляющих весь цикл работ — от лесозаготовки до выпуска конечной продукции или глубокой переработки, с показателями предприятий, которые не являются комплексными. Цифры широко известны: в лесозаготовке считается хорошей рентабельность в 3–5 %, в лесопилении — 8–10, целлюлозно-бумажной промышленности — 10–15 %. И только глубокая деревообработка дает более высокую рентабельность, достаточно стабильную, конечно, при условии, что технология и оборудование находятся на современном уровне и с рынком все в порядке. В этой ситуации если дополнительно нагрузить затраты чистого лесозаготовителя, то это заставит его уйти в тень либо обанкротиться. Опять-таки аргумент в пользу высокоорганизованной, современно оснащенной вертикально интегрированной структуры.

Кор.: *Кто должен заботиться о воспроизводстве лесов?*

Д. Ч.: Это главная задача собственника. Это его богатство, ответственность и будущее. Другое дело, что он может на определенных условиях передать эту функцию лесопользователю, оставив за собой планирование и контроль.

Кор.: *Что будет после отмены лесорубочных билетов?*

Д. Ч.: Существуют две тенденции. Одна либеральная, когда все все понимают, все сознательно, поэтому можно перейти на уведомительную систему лесопользования — я уведомляю вас, собственника, ведущего контроль, что буду делать то-то и то-то, и что все это будет соответствовать установленным

© WWF России / Виктор ЖИВОТЧЕНКО

нормам и правилам. Вы время от времени проверяете, делаю ли я так, как обещал. Вторая форма — разрешительная. Я прошу разрешить сделать то-то и то-то. Вы разрешаете, а потом проверяете, выполнил ли я свои обязательства.

Совершенно очевидно, что общая тенденция развития производственных отношений, как и отношений в обществе — стремление к либерализации. Вопрос в другом: готовы ли мы к этому сегодня? Однозначно нет. Если сегодня, в условиях разрешительной системы, приходится говорить о 5, 7 и даже 10 % незаконной рубки, то что будет при либеральной системе уведомления? Вот почему в проекте, который готовится ко второму чтению, установлено, что в перспективе будет введена уведомительная система. Сегодня же сохраняется разрешительная, т. е. лесорубочный билет. А чтобы общество и лесопользователи привыкли к грядущему переходу, будет введен переходный период, когда и та, и другая системы будут работать параллельно на одном и том же участке лесного фонда.

Кор.: *Это обойдется недешево.*

Д. Ч.: Да, затратно. Но готовить лесное сообщество к этому надо. А дальше все очень просто: если система приживется, даст ожидаемые результаты, то можно будет вводить уведомительный порядок; если нет — еще лет на 5 продлить промежуточный вариант. И это уже отражено в опубликованном проекте.

Кор.: *Это обойдется недешево.*

Д. Ч.: Да, затратно. Но готовить лесное сообщество к этому надо. А дальше все очень просто: если система приживется, даст ожидаемые результаты, то можно будет вводить уведомительный порядок; если нет — еще лет на 5 продлить промежуточный вариант. И это уже отражено в опубликованном проекте.

Кор.: Где, когда и от кого следует ожидать инвестиций в лес?

Д. Ч.: Очень сложно ответить. Лес — относительно низко рентабельная сфера деятельности. Приведу пример. Вы думаете о том, как распорядиться свободными 3 тыс. дол. Известно, если положите в банк, то получите 3–5 % в год. При этом инфляция в валюте составляет 3 %, т. е. вы просто сохраните свой капитал. Если вложите в лес, конечно, в рублях, и удачно вложите, то получите, скажем, 8 % (при везении — 12). Инфляция съела 10. Капитал прирос всего на 2 %. А если вложите в торговый дом, не буду называть какой, рентабельность в 80–90–120 % обеспечена. Куда вложите? В лес или в торговлю?

Кор.: И Вы еще спрашиваете!

Д. Ч.: О чем и разговор. Итак, первая проблема — низкая рентабельность. Вторая — капиталоемкость отрасли. Чтобы построить лесопильный завод большой мощности, по переработке, например, 0,5 млн м³ древесины, потребуется 65–70 млн дол., а с деревообработкой — еще 20 млн. Чтобы построить ЦБК, влияющий на отрасль в масштабах страны, надо затратить не менее миллиарда. Третья проблема — очень долгий срок окупаемости, от 8 до 20 лет. Итог: отрасль, невыгодная для инвестиций, но крайне важная для общества — без продукции ЛПК не только прогресс, жизнь невозможна. Что делать? Создавать стимулы. Чья задача создавать стимулы? Того, кто в этом заинтересован. А кто заинтересован? Собственник лесного фонда. А кто собственник? Государство. Значит, оно и должно стимулировать. В чем это может выражаться? В таможенно-тарифном регулировании, во влиянии на деятельность естественных монополий, в своем вкладе в разработку малоосвоенных участков лесного фонда, в концессии, в решении ряда социальных вопросов при формировании трудовых коллективов ЛПК и т. д. Если государство считает, что отрасль должна развиваться, что ее удельный вес в общем объеме производства должен составлять не 4 %, как сегодня, а 8–12 %, что соответствует российскому потенциалу, то надо решать проблемы государственного стимулирования по развитию отрасли, вовлечения в нее бизнеса, финансов. Это долгие деньги. Следовательно, надо создать противовесы перетеканию денег в сферы, дающие быстрый результат. Иначе мы будем ждать, пока торговля насытится инвестициями, наполнятся другие отрасли, и может быть, лет через 50 дойдет дело до ЛПК.

Механизмы понятны, и не случайно некоторые финансовые институты, банки проявляют интерес к лесной отрасли. Государство, наконец, тоже заинтересовалось отраслью и стало уделять внимание ее развитию.

Кор.: То есть система должны быть гибкой?

Д. Ч.: Система должна иметь хорошие стимулирующие и компенсационные рычаги. Если государству и обществу нужно, чтобы отрасль развивалась, а прямой выигрывает весь-

ма туманный, во всяком случае, не быстрый, то необходимо стимулировать перетекание средств в эту отрасль. Это задача государственного регулирования без непосредственного вмешательства в дела бизнеса.

Кор.: Кто будет охранять лес от незаконных рубок?

Д. Ч.: Собственник или лесопользователь, если это заложено в условиях договора.

Могу рассказать, как это происходит в нашей корпорации. «Илим Палп» эту деятельность взял на себя. У нас созданы отряды охраны лесного фонда, они легальные, легитимны. За перемещением лесных грузов следят спутниковые системы контроля. Для наблюдения за тем, что происходит в арендованных нами лесах, используются данные космического мониторинга, получаемые благодаря взаимодействию с Федеральным агентством лесного хозяйства. Если видим, что наши работники нарушают установленные правила, то реагируем быстро и остро. Если обнаруживаем чужое вторжение на закрепленный за нами лесной фонд — реагируем тоже достаточно эффективно.

Кор.: А что делаете, когда поймаете?

Д. Ч.: Передаем в правоохранительные органы. В последнее время результат хороший. Существенно усилилось взаи-

модействие между правоохранительными органами и добросовестными лесопользователями. По крайней мере, на нашей территории. Реакция на обнаруженные факты нарушений куда более конструктивная, чем 3–4 года назад. Этому способствовало и законодательное ужесточение ответственности за правонарушения, связанные с лесом, древесиной.

Кор.: Как Вы считаете, не возникнет ли проблем с правоприменительной практикой нового Кодекса?

Д. Ч.: Хорошего закона не бывает без исчерпывающего комплек-

та подзаконных актов. Задача — выпустить такие подзаконные акты, которые понятно и однозначно трактуют положения закона. Надо понимать, что есть Лесной кодекс (некая конституция) и есть реальная жизнь. Для того чтобы практическая деятельность соответствовала Кодексу, должен существовать набор таких нормативных актов, которые показывают, как установленную законом норму применять в реальной жизни. Так вот, если появится Лесной кодекс без тех 50 с лишним подзаконных актов, которые Кодексом предполагаются, эффект от нашего законодательства будет нулевым. Поэтому, на мой взгляд, надо постараться избежать еще одной ошибки, когда базовый документ подготовлен, а подзаконные акты формируются годами. Они должны лечь на стол законодателям одновременно или, по крайней мере, с минимальным сдвигом. Тогда появится система. А иначе будут разрозненные усилия по наведению порядка, и мы снова станем ломать голову, почему ничего не получается.

По материалам сайта forestlaw.ru

